

НИКОЛАЙ ЛЮБИМОВ

НЕУВЯДАЕМЫЙ ЦВЕТ

Книга воспоминаний

Том 2

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва 2004

ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Л 93

Грант Президента РФ
для поддержки творческих проектов общенационального значения
в области культуры и искусства

Любимов Николай

Л 96

Неувядаемый цвет: Книга воспоминаний: В 3 т. Т. 2. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 512 с., ил., вклейка после с. 256.

ISBN 5-94457-138-1

Второй том воспоминаний Николая Любимова (1912—1992), известного переводчи Рабле, Сервантеса, Пруста и других европейских писателей, включает в себя драматические события двух десятилетий (1933—1953). Арест, тюрьма, ссылка в Архангельск, возвращение в Москву, война, арест матери, ее освобождение, начало творческой биографии Николая Любимова — переводчика — таковы главные хронологические вехи второго тома воспоминаний. А внутри книги — тюремный быт, биографии людей известных и неизвестных, детали общественно-политической и литературной жизни 30—40-х годов, раздумья о судьбе России.

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

В оформлении переплета использованы фотографии из семейного архива Любимовых, любезно предоставленные издательству Борисом Николаевичем Любимовым.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-94457-138-1

9 785944 157138 0 >

© Б. Н. Любимов, 2004

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Содержание

Предисловие (<i>Б. Н. Любимов</i>)	7
--	---

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

В некотором государстве	11
На теплом Севере	112
Прощание с Севером	198
Кровавый буран	210
Самоубийца	264
Тянет гарью	308
Сухая гроза	388
В ледяных потьмах	464
Примечания автора	502

Предисловие

...и жизнь наследствуем.

*Из тропаря иконе Богородице
«Неувядаемый Цвет».*

Время, прошедшее после издания первого тома воспоминаний Н. Любимова (1999 год), вобрало в себя несколько дат и событий, заслуживающих упоминания. Прежде всего — девяностолетие со дня рождения (20 ноября 2002 года) и десять лет со дня кончины (22 декабря 2002 года). Скоро сказка сказывается, да не скоро книги издаются, тем более, что, в отличие от первого тома, подготовленного к печати автором при жизни, подготовка второго тома к изданию требовала значительной текстологической работы. Но и 2003 год — предполагаемый в качестве года издания второго тома, тоже, до некоторой степени, «юбилейный» — как смог удостовериться читатель, 1933 — это год окончания института автором, год начала творческой деятельности, переводческой и редакторской и, наконец, год ареста, что в значительной мере определило тему, сюжет и интонацию предлагаемой читателю книги, да и всей жизни ее автора.

За время подготовки к печати второго тома воспоминаний скончалась старшая дочь Н. Любимова Елена Николаевна, рождение которой упоминается во втором томе, в течение 60-х — 70-х годов многократно печатавшая и перепечатывавшая рукопись воспоминаний. В сущности, благодаря ей эта книга и могла обрести печатное лицо.

Кстати, о 60-х — 70-х годах. Как заметил читатель, главы второго тома в это время и писались. Нет необходимости воссоздавать исторический фон и контекст, в котором писались эти главы, как нет необходимости и напоминать о том, что многие гипотезы и догадки автора с тех пор документально подтверждены или, напротив, опровергнуты. Н. Любимов писал воспоминания примерно в те же годы, что А. Солженицын — «Архипелаг Гулаг» (даже персонажи у этих книг есть общие — мир тесен даже на необъятных просторах Архипелага...).

В биографии Н. Любимова 70-е годы, после демобилизации из армии автора этих строк (май 1973 года), могут считаться годами

наиболее благополучными и относительно спокойными и стабильными. Книжный «бум» 70-х принес материальное благополучие, переводы классики стали не только издаваться, но и переиздаваться. Он активно занимается редакторско-издательской деятельностью, выходит первый вариант его работы «Перевод — искусство», он награждается орденом Знак Почёта (какое счастье, что не Ленина, Октябрьской Революции или Красного Знамени) и Государственной премией за переводы, вошедшие в серию «Библиотека всемирной литературы». Перевод Декамерона вышел в 1969 году, и переводческая деятельность Н. Любимова сосредоточилась на эпопее Пруста. Восемь относительно спокойных лет за всю восьмидесятилетнюю жизнь... И если интонация второго тома воспоминаний с этим спокойствием контрастирует (как, впрочем, и с лирическими и эпическими интонациями первого тома воспоминаний), то это связано с изменением предмета повествования: героя Пруста не лишали его Комбре, его мама и он сам не знали что такое арест, тюрьма, лагерь или ссылка. В целом, книга воспоминаний Н. Любимова была закончена в конце 70-х годов. Но судьбы некоторых персонажей этой книги можно проследить и в более поздние годы. Автор этих строк надеется на то, что ему удастся подготовить к изданию и третий том, включая и театральные воспоминания в полном объеме, и книгу литературно-критических статей Н. Любимова, завершённую незадолго до его кончины, и попытаться досказать за отца то, что он не успел сделать при жизни. Ждет своей публикации и эпистолярный архив Н. Любимова, лишь частично использованный им в основном тексте воспоминаний.

Конечно, всем нам свойственно, по словам одного из подвижников XX века, «залечивать прошлое» и все же, как не вспомнить Заратустру: «...изгнан я из страны отцов и матерей моих... осталось мне любить лишь страну детей моих... направим наше кормило, где страна наших детей!».

«Вспоминается то, что грядет» (св. Григорий Нисский).

Борис Любимов

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

У Господа милость,
и многое у Него избавление.
Псалтирь

В НЕКОТОРОМ ГОСУДАРСТВЕ

Медленно движется время,
Веруй, надейся и жди...

И. Никитин

Дурные предчувствия, которым суждено сбыться, наплывают, как облака. И они свиваются, эти предгрозовые облака, и они клубятся... Еще светит солнце, почти весь небосвод еще чист, но там, откуда находят облака, — хотя и невнятно, но погромыхивает. Затем погромыхиванье стихает, ты не смотришь в ту сторону, ты уже забываешь о тучах, и вот тут-то молния и ударяет...

В августе 1933 года я с беспечно радостным чувством ехал из Перемышля в Москву первый раз за всю свою двадцатилетнюю жизнь — на неустроенность, в неизвестность. К счастливой этой беззаботности примешивалась лишь всегдашняя боль разлуки с родным домом, с родными местами, но на этот раз она умерялась сознанием, что теперь я уже не студент, а сам себе хозяин: когда захочу, тогда и возвращусь, были бы деньги на проезд.

Итак, в Москве меня встретила свобода от лекций, зачетов, экзаменов, но и свобода от продовольственных карточек. Никаких видов на постоянную работу, никаких видов на новый договор...

И все пошло как по маслу. Я подал заявление о приеме в Групповой комитет писателей при издательстве «Academia», благо заказанные мне издательством переводы пьес Мериме были мною сданы еще весной и получили одобрение. Но при случайной встрече со мной на улице один из членов Бюро Группкома сказал, что мое дело проигрышное. Говорил со мной группкомовский вождь безукоризненно вежливо, но в подтексте и тоне его речей я без труда уловил: «С суконным рылом в калашный ряд не суются».

Слегка обескураженный, я в тот же день пошел к Алексею Карповичу Дживелегову и передал ему содержание этого разговора.

Дживелегов вспыхнул.

— Коля, милый, зачем вы с ним разговариваете? — сказал он. — С такими людьми разговаривать нечего — им приказывать надо.

На это я, ободренный тем, как близко принял к сердцу эту историю «Карпыч», резонно заметил, что я же не имею права приказывать.

— Одним словом, не беспокойтесь, — заключил Дживелегов. — В ближайшее время вы будете приняты.

И точно: не прошло и нескольких дней, как я опять встретился на улице с тем же самым «вождем», и на сей раз он уже с явственно прозвучавшими дружелюбными нотками в голосе — то была дань «креатуре» Дживелегова, — но по-прежнему величественно (чтобы я не забывался, чтобы я воспринял его сообщение как милость) объявил мне, что я принят.

Это означало: «рабочие» продовольственные карточки, прикрепление к паршивому, но все же «закрытому распределителю», где иногда кое-что появлялось на прилавках, и пропуск в писательскую столовую на Тверском бульваре при Доме Герцена.

Прошло еще несколько дней. Звонит мне по телефону Грифцов. Его давнишний знакомый, бывший артист Художественного театра Николай Николаевич Вашкевич задумал основать театр и предложил ему быть в этом театре заведующим литературной частью. Грифцов отказался, но, зная мое пристрастие к театру, зная, что я, в отличие от него, внимательно слежу за современной литературой, посоветовал Вашкевичу пригласить меня.

Из моего телефонного разговора с Вашкевичем выяснилось, что театр еще в проекте. «Мы голы, как соколы», — признался он. И все же я согласился. Считаться заведующим литературной частью хотя бы пока еще не существующего театра — это уже было для меня заманчиво.

Я поехал к Вашкевичу. Его холостяцкая прокуренная и плохо проветриваемая, скудно обставленная комната, по-мужски небрежно постеленная постель (из-под одеяла выглядывала простыня, подушки напоминали смазанные маслом блины) — все производило впечатление несвежести, помятости, неопрятности. Сидя в некогда мягком кресле, из-под потертой обивки которого вылезала серая вата, и испытывая такое ощущение, будто я сижу на грядке телеги, глядя на испитое лицо хозяина — лицо Актера Актерыча, незадачливого, но все же неунывающего, неугомонившегося желчевика с тускнеющими глазами, глядя на его повывавший виды, весь в пятнах разной величины и формы, костюм, на пожелтевший воротничок и на характерный галстук «бабочкой», я слушал его проект, который заключался в том, чтобы создать театр передвижной, не нуждающийся в постоянном помещении. Представления идут на фоне экрана. Декорации проециру-

ются на экран при помощи волшебного фонаря. Портативно, дешево, удобно — и ново! Большой труппы не требуется. Наркомпрос эта затея может заинтересовать именно с той стороны, что такой театр способен обслуживать «широкого зрителя» в рабочих клубах, — нынче здесь, завтра там. Добиться согласия Наркомпроса на рождение нового театра Вашкевич надеялся при посредстве жены видного советского дипломата Льва Михайловича Карахана. Мадам Карахан когда-то играла в Петербурге, в театре Комиссаржевской, и, по замыслу Вашкевича, должна была стать премьершей зарождающегося театра.

В Вашкевиче добродушие и желчность странным образом уживались. Он, видимо, притерпелся к ударам судьбы, но и на пороге старости все еще верил, что звезда его воссияет. Озлобленность неудачника вскипала в нем только когда речь заходила о Художественном театре. Он прослужил там четыре года (с 1901 по 1905) и сыграл офицера без слов в «Трех сестрах», лакея князя Старочеркасова в пьесе Немировича-Данченко «В мечтах», слугу Антония в «Юлии Цезаре». Венцами его творения были муж Марины во «Власти тьмы» и поэт Цинна из «Юлия Цезаря». Затем его — видимо за ненадобностью — попросили о выходе. И вот уже в первое наше свидание он, трепеща от злорадства, передавал мне слух, будто Немирович-Данченко задержал выпуск подготовленных Станиславским и Литовцевой «Талантов и поклонников». А когда мы потом встретились с ним на премьере спектакля «В людях», Вашкевич от злости шипел, как шипит на прохожих гусак, охраняющий гусенят.

Немного погодя я был приглашен в карахановский особняк на Спасопесковской площади. Этот двухэтажный дом с колоннами стоит в левом (если идти со стороны Трубниковского переулка) углу старинной площадочки, где теперь далеко не мирно сосуществуют модернистская громада, деревянный одноэтажный шестиоконный дом и семнадцатого века церковь с шатровой колокольной, послужившая фоном для поленовского «Московского дворика». После уездных домишек, после московских коммунальных квартир меня ошеломили просторы карахановского особняка. В гостиной я увидел синеглазую, уже тронутую увяданием женщину с безнадежно тоскливым выражением лица, — Вашкевич счел нужным уведомить меня, что у Карахана сейчас бурно протекает роман с балериной Семеновой и что он будет рад, если жена увлечется театром, — «чем бы дитя ни тешилось». Я представил себе, как этой бывшей актрисе и в сущности бывшей советской гранд-даме, наверное, одиноко в огромных, роскошных, теперь уже совсем ненужных ей залах, тяготящих ее своей какой-то зловецей пустынностью. Оставленная мужем, отцветающая, хотя все еще стройная и красивая, она судорожно ухватилась за вашкевичевскую затею, чтобы хоть чем-то себя занять, заполнить дни, тянувшиеся то-

нительно и бесполезно чередую, чтобы как-то напомнить о себе, пока старость только еще к ней приближалась, пока она еще только медленно глохла — с ней надо было говорить, чуть повысив голос.

В один из сентябрьских вечеров у нее собрались деятели театра, которому так и не суждено было родиться на свет. Не считая хозяйки, нас было всего четверо: почистившийся и прихорошившийся Вашкевич; его товарищ по невзгодам Доронин, сыгравший в Художественном театре второго пристава в «Смерти Иоанна Грозного», Дмитрия Шуйского и гонца в «Царе Федоре» да слугу в «Дикой утке», в отличие от Вашкевича — угнетенный, угрюмый, видимо, не веривший в успех вашкевичевского предприятия, но не отказавшийся от участия в первоначальных переговорах, во-первых, памятуя пословицу: «Чем черт не шутит», а во-вторых, вернее, во-первых, в предвкушении ужинов у мадам Карахан, все время пытавшийся сообщить разговору мало-мальски деловой характер, дергавший Вашкевича за ниточку, когда тот уж очень воспарял, и осаживавший его брюзгливо скептическими репликами; два года (с 1910 по 1912) прослуживший в Малом театре Александр Эдуардович Ашанин, элегантный, подтянутый, словно аршин проглотивший, и я. Когда я переводил взгляд с Вашкевича на Доронина, с Доронина на Ашанина, мне казалось, будто я на актерской бирже или в концертно-эстрадном бюро, почему-то расположившемся в обширной зале богатого особняка. Стали обсуждать составленную Вашкевичем бумагу в Наркомпрос. Я предложил окрестить театр Театром романтики. Предложение приняли единогласно — «революционная романтика» была тогда в моде, и Наркомпрос мог на это клюнуть. Затем я предложил открыть театр сценической композицией под условным названием «Ранний Горький», которая должна была состоять из инсценировок его рассказов («Макара Чудры» и других). Мое предложение всем пришлось по душе. Наконец я предложил включить в репертуар инсценировку вогульского эпоса «Мадур-Ваза Победитель», переведенного Сергеем Клычковым с волшебной словесной щедростью народного сказителя, с присущим Клычкову абсолютным поэтическим слухом, с чувством сказочного колорита, роднящим Клычкова с художниками-палешанами. И к последнему моему предложению собрание отнеслось благосклонно — перевод Клычкова имел успех и у читателей, и у прессы. Инсценировку решено было заказать переводчику. Когда я на другой же день заговорил об этом с Сергеем Антоновичем, с которым я ежедневно встречался в писательской харчевне, у него сначала загорелись глаза. Его, видимо, пленила мечта создать из поэмы пьесу-сказку. Что-то уже как будто замелькало, зароилось перед его мысленным взором. Но в Сергее Антоновиче жил сметливый, осторожный тверской мужичок, привыкший ничего не делать с бухты-барахты, привыкший сначала

узнать наверняка, где брод, а потом уже лезть в реку, да и то поболтав в ней сначала ногой. Задав мне несколько вопросов и мигом учуяв из моих поневоле неопределенных ответов, что у нас все еще вилами по воде писано, Клычков заговорил со мной, как говорит с подрядчиком честный, но осмотрительный мастеровой.

— Мысль отличная, — закал он. — Но — тысячу рублей на стол! — Тут он для большей вескости хлопнул ладонью по столу. — Тогда сейчас же за работу засяду. А другой, может, и без авансу возьметса, да только добро изговняет. А уж я сделаю на совесть!

«Театр романтики» был для меня журавлем в небе. Но удачи, как и напасти, так одна за другой и идут. Приезжаю как-то вечером из Голицына с дачи, где в то лето жили Маргарита Николаевна и Татьяна Львовна с мужем, и нахожу письмо на мое имя. Это было приглашение от заместителя главного редактора издательства «Academia» Якова Ефимовича Эльсберга зайти в издательство для переговоров.

На другой день я поехал в Большой Трехсвятительский, переименованный в Большой Вузовский, переулок, где тогда в особняке, что стоит боком к переулку, помещалось издательство «Academia». В широкой комнате сидели разные сотрудники, а в дальнем левом углу за перегородкой, точно в застекленной клетке, видный всем в профиль, неумоимо, как заведенная машина, работал, днем принимая посетителей и сотрудников издательства и разговаривая по телефону, а вечерами читая корректуры, Эльсберг. Когда я очутился в клетке, Эльсберг мгновенно встал, как если б к нему вошел почетный гость, и, изобразив на своем лице благорасположение и в то же время как бы сфотографировав меня острым взглядом своих похожих на масляны глаз, протянул мне руку и предложил сесть.

— Я вас приветствую.

Вскоре я убедился, что так он здороваётся со всеми.

— Мне о вас говорил Алексей Карпыч, — продолжал он. — В редакционном отделе фтаты у нас заполнены, и там я, к сожалению, пока (он подчеркнул это слово) ничего предлофить вам не могу, но нафему Группкому нуфен секретарь...

Дальше он изложил условия: являться в издательство всего лишь на несколько часов в день, жалованье такое-то, обязанности такие-то.

Я, разумеется, согласился, но, придя домой, сейчас же позвонил «Карпычу» — прежде всего чтобы поблагодарить за заботу, а во вторых, чтобы все-таки испросить благословение.

— Правильно сделали, что согласились, — сказал Дживелегов. — Эльсберг замечает хороших работников и, конечно, при первой возможности переведет вас в редакционный отдел. Важно, что вы становитесь своим человеком в издательстве.